

ПЁ ЧАНВОН

**СКОПЦЫ
КРОВЬ СЕУЛА**

INSPIRIA
Москва

УДК 821.531-312.4
ББК 84(5Кор)-44
Ч-18

카스트라토 by 표창원
CASTRATO by Changwon Pyo

Copyright © 2024 by Changwon Pyo
Russian Translation Copyright © 2026 «Publishing House «Eksmo»
ALL RIGHTS RESERVED
This translated edition was published by arrangement
with NEXUS Co., Ltd. through Shinwon Agency Co., Ltd

Чанвон Пё.

Ч-18 Скопцы. Кровь Сеула / Чанвон Пё ; [перевод с корейского Е. Лукьяновой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Ток. Иямису-триллер о профайлерах и маньяках).

ISBN 978-5-04-235450-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Это дерзкое и невероятно жестокое преступление стало абсолютным шоком для страны. Тем более все произошло в удивительный вечер в очень многолюдном месте. Фестиваль фонарей, рождественская ярмарка, трогательное выступление известного оперного певца в Культурном центре имени короля Седжона... Именно посетители этого концерта по выходе из зала обнаружили нечто ужасное: синий футляр для Библии, а в нем на сухом льду – отрезанную часть мужского детородного органа...

Пока полиция безуспешно пыталась идентифицировать жертву и найти среди следов на месте преступления хоть малейшее указание на преступника, было совершено аналогичное преступление: на этот раз отсеченные части нашли в торговом центре в пластиковом стакане для кофе. К делу подключилась Группа анализа аномальных преступлений, состоящая из лучших специалистов в разных областях криминалистики. А еще над ним работает знаменитый профайлер Ли Мэк. Все они выстраивают сложные и тонкие схемы анализа, пытаются найти зацепки. Им еще предстоит узнать, что эти изуверские акты – которые вскоре продолжатся — совершаются не просто так: за ними тоже стоит сложная и тонкая схема, гораздо более хитроумная, чем можно себе представить...

УДК 821. 531-312.4
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-04-235450-2
© Лукьянова Е., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Дело 1

Культурный центр короля Седжона

15 декабря 2023 года, пятница

Площадь, раскинувшаяся между воротами Кванхва-мун и мэрией Сеула, была заполнена людьми, несмотря на поздний час. Жители города пришли поглазеть на фестиваль фонарей, приуроченный к концу года, да пошататься по рождественской ярмарке. Не обошлось и без очередной демонстрации — с другой стороны площади то и дело раздавались агитационные лозунги. Одним словом, это был шумный и суетный конец года. В то же самое время совсем неподалеку, в зале Культурного центра имени короля Седжона, чарующий голос контратенора пленил сердца зрителей.

Это было особое новогоднее выступление контратенора Ли Гёндю, известного как «единственный кастрат Кореи». В финальной части оперного концерта, когда певец уже второй раз выступал на бис, прозвучала ария «Позволь мне оплакать» из оперы Генделя «Ринальдо». Настолько сильно было впечатление, произведенное исполнением контратенора, что многие зрители уж и забыли вытирать слезы, полностью погрузившись в музыку. Под стоячие овации концерт завершился. После нескольких поклонов Ли Гёндю наконец покинул сцену, и в зале вновь зажегся свет, открылись двери.

Когда зрители, оживленно обсуждая впечатления от выступления, направлялись к выходу, некоторые из них вдруг

остановились, переглядываясь. Им будто бы послышался пронзительный высокий звук, но они не были уверены до конца, слышали ли они это на самом деле или то было лишь отзвуком концерта, звучащим в их головах. Однако сомнение тотчас было развеяно — по оперной зале разнесся душераздирающий женский крик. Стоило закричать одной, как ее вопли подхватили другие, будто охваченные паникой. От возвышенного и восторженного настроения, оставшегося после концерта, моментально не осталось и следа — их сменили растерянность, тревога и страх.

Крики доносились из женской уборной. Кто-то выбежал оттуда с побелевшими от ужаса лицами, крича и прикрывая лица руками. Кто-то, оцепенев от ужаса и не в силах двигаться, лишь беспомощно вопил. Все взгляды были прикованы к маленькому синему кейсу, лежавшему на полу. Из него вытекала жидкость, напоминающая кровь. Соприкасаясь с сухим льдом в кейсе, она шипела и превращалась в пену, выделяя клубы пара. Сквозь пар виднелся округлый темно-красный предмет, напоминавший перезрелый персик. Предмет оказался мужским половым органом — яичками. Морщинистая кожа, обволакивающая две округлые формы, будучи отделенной от тела, производила чудовищное впечатление.

Охранники и сотрудники театра поспешили вывести зрителей из здания. Вскоре прибыли полицейские в форме и с рациями. При их содействии оставшихся внутри женщин вывели наружу и усадили на стулья или прямо на пол. Вход в уборную был оцеплен желтой оградительной лентой. Под руководством начальника группы полицейские начали опрашивать свидетелей. Установив в общих деталях суть произошедшего, они принялись что-то срочно докладывать по рации.

На крики к зданию Культурного центра стеклась толпа зевак. Парочки, семьи, женщины после встреч выпускниц

и собраний, а также группа пожилых мужчин в военной форме, похожих на отставников, — все с тревогой перешептывались, пытаясь понять, что произошло. У Культурного центра, где и так было довольнолюдно под конец года, теперь и вовсе стало яблоку негде упасть. Пока полиция с трудом сдерживала толпу, к месту происшествия прибыла толпа журналистов.

— Как же они все узнали? Прямо как стервятники — слетаются на запах падали.

— Ну и дела... В соцсетях уже начался переполох. «В женской уборной Культурного центра имени короля Седжона — отрезанные мужские яички, ужас!» Вот, смотрите.

Один из журналистов, чуть ли не тыча телефоном в лицо инспектору, тут же заявил:

— Все равно фото уже выложили, так что дайте и нам сделать снимки места происшествия!

Чуя запах сенсации, журналисты, которым запрещали фотографировать, продолжали возмущаться.

— Нельзя, ни в коем случае! Вы понимаете, что тогда произойдет? Да, свидетели успели сделать фото до нашего приезда, тут уже ничего не поделаешь. Но до приезда криминалистов нам нужно сохранить место происшествия в том же виде. Стоит одной волосинке там оказаться — и всё, конец! Вы же понимаете. Да и эти снимки в интернете — их же выложили обычные люди, но вы разве смогли бы такое опубликовать? И какой тогда вам смысл это всё снимать? Вон, смотрите, на другой стороне очередной митинг — об этом лучше репортаж сделайте!

Пока часть журналистов спорила с полицией, другие ухитрились проскользнуть к охранникам и свидетелям, чтобы взять интервью.

Тем временем прибыли следователи из отдела по особо тяжким преступлениям, оценили ситуацию и опросили свидетелей. Вскоре вслед за ними на место прибыли

и криминалисты с оборудованием. Они сразу же попросили полицейских отвести людей подальше от уборной и оцепили территорию желтой лентой с надписью «место преступления — вход воспрещен, идет следствие».

Криминалисты установили в этой зоне ширму и переносной шатер, разложили оборудование и надели защитные костюмы, шлемы, перчатки и бахилы. Операторы тщательно сфотографировали все место происшествия и его окрестности, не упуская ни единой детали. Руководитель команды и еще один криминалист фиксировали личные данные свидетелей, охранников и администраторов, затем с их согласия брали образцы: отпечатки пальцев и подошв, мазки из ротовой полости и образцы ткани одежды.

Детективы в это время поднялись в диспетчерскую Культурного центра, проверили записи камер видеонаблюдения, дали распоряжение не удалять их, пока не будет получен ордер на изъятие, и на всякий случай перенесли записи, сделанные в течение последних суток, на внешний храниТЕЛЬ.

Когда все приготовления завершились, мужчина с резкими чертами лица, судя по всему, руководитель команды следователей отдела по особо тяжким преступлениям, начал серьезно обсуждать с руководителем криминалистов ход обследования места происшествия. Получив краткие разъяснения, криминалист кивнул.

— Приятно, когда профайлер сам приходит на место и лично указывает, на что нужно обратить внимание. Нам так гораздо проще работать.

— Все это пока не точно, поэтому не слишком полагайтесь на эти спешные выводы. Ну, я думаю, вы и сами разберетесь, на что обратить внимание.

— Конечно, детектив Мэк.

— Удачи, Чин Кёнвон.

Криминалисты тщательно обследовали указанные про-
файлером участки, начиная с зоны возле уборной и посте-
пенно продвигаясь внутрь. Они фотографировали и сни-
мали видео, затем по указанию руководителя последова-
тельно применили специальные источники света: белый,
синий, бирюзовый, инфракрасный и ультрафиолетовый.
Если предмет отличался по цвету от окружения или све-
тился, его измеряли и фотографировали. После этого объ-
ект с помощью пинцета помещали в пакет для веществен-
ных доказательств или снимали с него отпечатки.

Закончив осмотр и сбор доказательств снаружи места
преступления, криминалисты натянули черные занаве-
ски на все окна и двери уборной, чтоб в ней не осталось
ни одного источника света. Единственный луч тщательно
обследовал внутреннее пространство, выявляя все точки,
на которые реагировали датчики или специальные веще-
ства. Криминалисты устанавливали в этих местах марке-
ры с номерами или наклеивали ленты и фотографирова-
ли каждый участок. В крошечной тьме вспышки камер,
то и дело с хлопками раздаваясь в темноте, сверкали как
фейерверки.

Руководитель группы криминалистов несколько раз
проверял, не пропущен ли какой-либо участок, после че-
го распылил реагент для выявления скрытых следов кро-
ви. Пространство вокруг ячеек засияло голубым флуорес-
центным светом. Наконец, после того как все было сфо-
тографировано и образцы крови собраны, включили свет.
На полу уборной были хаотично расставлены желтые мар-
керы, на стенах, стеклах, дверях и оконных рамах были
наклеены ленты с номерами. Камеры протягивали свои
объективы между маркерами, словно змеи, пробирающи-
еся в кроличью нору.

После завершения съемки сняли отпечатки пальцев
и следов обуви, собрали волосы, грунт, пыль, тканевые

волокна и другие следы, помещая их в отдельные контейнеры для доказательств. На каждом контейнере были указаны имя и должность криминалиста, а также дата и время сбора. Синий кейс, стоявший посреди уборной, уже был отправлен в лабораторию Сеульского полицейского управления для проверки отпечатков пальцев и ДНК, а яички поместили в холодильный контейнер и доставили в Национальный научно-криминалистический центр.

Тем временем журналисты, столпившиеся за желтой оградительной лентой, пытались заснять работу криминалистов. Они изо всех сил старались выудить хоть что-то у руководителя группы расследования — начальника детективного отдела. Однако тот был занят: он давал брифинг прибывшему позже начальнику следственного отдела и одновременно разговаривал с кем-то по телефону. Журналистам оставалось только пытаться разобрать его слова по движениям губ. Набросать черновик статьи и уже перед самым дедлайном добиться какого-то четкого заявления от руководителя — таким был их план.

Имя руководителя 5-й следственной группы отдела по особо тяжким преступлениям полицейского управления города Инван — Ли Мэка — было на слуху у детективов, прошедших службу в Инване. Он поступил в полицейский спецназ через отдельный набор для отслуживших в войсках особого назначения и, пройдя службу в спецназе, продолжил работать детективом в уголовном отделе. В отличие от других бывших спецназовцев, которые стремились попасть в охранные подразделения, где их опыт был незаменим, Ли Мэк добровольно выбрал работу в уголовном отделе, хотя ему и пришлось переучиваться, что замедлило его продвижение по службе. Проще говоря, он, в отличие от многих, выбрал нелегкий путь.

Ли Мэк избегал и самого быстрого способа оказаться на виду у начальства и получить повышение, а именно ме-

дийности. Несколько недавних серийных убийств и дело об убийстве женщины-врача, которое чуть ли не закрыли из-за отсутствия улик, были раскрыты благодаря его вдумчивому анализу и нестандартному подходу к оценке вещдоков. Хотя об этом знали все специалисты по расследованиям и участвующие журналисты, сам Ли Мэк не любил давать интервью и вообще избегал упоминаний своего имени в прессе. Поэтому после раскрытия дела интервью обычно давали другие детективы или кто-то из руководства, и общественность даже не догадывалась, что за этими делами стоит Ли Мэк. Некоторые журналисты настойчиво пытались взять у него интервью, но никому это так и не удалось.

Этот раз не стал исключением. После того как руководитель группы криминалистов указал основные места, на которые следовало обратить особое внимание, Ли Мэк в одиночку приступил к анализу места происшествия. Доложив о ситуации вышестоящим сотрудникам и отчитавшись перед начальником следственного отдела, он, оставив за спиной кричащих журналистов, выскочил через задний вход и растворился в толпе. От журналистов сразу посыпались недовольные возгласы и ругательства.

— Вот гад, что он о себе возомнил!

— Неужели так сложно хоть пару слов сказать?

Недовольные журналисты снова направились во временный пресс-центр в лобби.

— Э-э... э... господа журналисты, я — начальник следственного отдела полицейского управления Инван. Понимаю, что у вас много вопросов, но прошу не забывать о том, что нам стало известно о данном происшествии совсем недавно и расследование только-только началось. Я постараюсь ответить на ваши вопросы, основываясь на том, что мне известно. Но на данном этапе расследования о многом мы еще не знаем. Это очень деликатное дело, и... э... секунду, что там у меня записано... а, и есть

моменты, которые в силу тайны следствия я сообщить не могу, прошу меня понять.

— В полиции рассматривают это дело как убийство?

— Ну, это станет ясно только после заключения экспертизы Национального научно-криминалистического центра...

— Личность жертвы установлена?

— Мы работаем над этим...

— Кого вы рассматриваете в качестве преступника?

— Как я сказал, расследование только началось...

— Что вам вообще известно? Начните с этого.

— А, да, дайте секунду, посмотрю в свои записи... Все произошло в Культурном центре короля Седжона...

Начальник следственного отдела провел пресс-конференцию в своей характерной манере — много говорил, но все не по делу и так и не сказал ничего толкового. Журналисты отправили статьи прямо с места событий, процитировав начальника следственного отдела там, где он подтвердил информацию, которую они и так уже раз узнали сами, а информацию, которая, по словам начальника, была «еще не подтверждена», «расследовалась» или «нуждалась в дополнительном подтверждении», записали как цитаты некоего «анонимного источника в полиции».

Когда пресс-конференция закончилась, а журналисты, продолжавшие задавать вопросы, наконец отстали и начальник следственного управления сел в машину, ожидающую его на стоянке, дверь со стороны водительского сиденья открылась и молодая женщина ловко запрыгнула на сиденье.

— Госпожа Ан, ну ты же знаешь — нечего мне тебе больше сообщить! Да и разве тебе не пора уже сдавать статью?

— Да знаю я, что вы ничего не знаете, а потому и сказать вам нечего. Но это я кое-что вам как раз хочу сообщить.

— Это что же?

— Вы знаете, кто такие кастраты?

— Кастелы?

— Нет же, кас-тра-ты!

— Это еще что?

— В XVIII веке в Италии, в эпоху барокко, женщинам запрещали петь в опере. Для женских партий, требовавших высоких нот, мужчин-певцов кастрировали в раннем возрасте, до того как у них ломался голос. Кастраты — как раз те самые кастрированные певцы.

— Сейчас не время обсуждать оперу. Я занят, поговорим позже.

— Да, а что такое вы тогда нашли на месте преступления?

— Зачем спрашиваешь, если сама знаешь?

— А где именно нашли?

— В женской уборной оперного театра.

— Знаете, кто сегодня выступал на сцене оперы?

— Откуда мне знать?

— Это вам информация к размышлению. Я уже кое-что рассказала. Потом не говорите, что не знали. Кстати, как там Ли Мэк? Этот тип доставляет вам столько неприятностей. Ну все, пока-пока!

— Эй, госпожа Ан, подожди!

По дороге в полицейский участок начальник позвонил Ли Мэку:

— Эй, Ли Мэк, слышал что-то о кастела... ай, нет, кастра... А, певцах-кастратах!

— А, кастраты. Сегодня в Культурном центре как раз выступал контратенор, которого называют единственным певцом-кастратом Кореи. А что?

— Помнишь ту журналистку из «Сеульского вестника»? Она мне как раз что-то о кастратах говорила, а еще что ты обнаглел и стоит тебя отчитать. Может, поговоришь с ней сам?

— Не стоит. Это все уловки этих пронырливых журналистов. Я сегодня посмотрю, как движется анализ улик, и зайду к вам с докладом. Отключаюсь.

— Эй, Ли Мэк! Эй! Ха, ну какой наглец! Как он смеет класть трубку вперед начальства?!

С того вечера, примерно с 23:00, в интернете начался переполох. Причиной стала статья «Сеульского вестника» под заголовком «Убийство века с участием кастрата, полиция идет по ложному следу».

В отличие от других СМИ, которые просто кратко изложили обстоятельства дела и слова начальника следственного управления, «Сеульский вестник» подробно рассказал читателям, кто такие певцы-кастраты, и недвусмысленно намекнул о связи происшествия с выступавшим в тот день на сцене певцом Ли Гёндо.

Особое внимание привлек приложенный к статье файл с записью голоса начальника следственного отдела: «Кастелы? Это еще что?» В материале критиковали полицию за невежество, за то, что там не удосужились сопоставить все факты и упустили из виду то, что в день обнаружения мужских яичек в том же месте на сцене выступал певец-кастрат. Статья мгновенно заняла первое место по просмотрам и количеству комментариев, появившись на главных страницах всех новостных порталов. В социальных сетях начался хаос: особенно популярными стали посты, высмеивающие начальника: «Кастелы? Это еще что?»

16 декабря 2023 года, суббота

На следующий день тираж «Сеульского вестника» в считанные минуты разошелся во всех газетных киосках. По телевидению тоже освещали нашумевшую статью, пригласив экспертов и обозревателей. Особый резонанс вызвало интервью журналистки Ан Сунок, автора той са-

мой статьи, в прямом эфире новостной программы на кабельном канале «Сеульский вестник-ТВ», принадлежащем медиа-холдингу «Сеульского вестника».

— В эпоху барокко XVII–XVIII веков, в которую и происходили события фильма «Фаринелли-кастрат», кадры из которого вы сейчас видите на экране, укрепилась власть консервативного католического фундаментализма. На территориях, контролируемых папой римским, женщинам не позволялось выступать ни в церковных хорах, ни на оперной сцене. Поэтому мальчиков, у которых еще не начал ломаться голос, кастрировали, чтобы вырастить из них певцов с высоким и тонким, как у женщин, голосом — так называемых кастратов, — они и выступали на сцене вместо женщин. На сцене оперного театра Культурного центра, где произошло нынешнее происшествие, проходил концерт контратенора Ли Гёндю — единственного в Корее певца-кастрата, как его называют. В уборной концертного зала была обнаружена часть мужского тела, ассоциирующаяся с кастратами. Однако полиция даже не знает, что такое кастрат, поэтому, судя по всему, расследование пойдет не слишком гладко. А теперь мы предлагаем взглянуть на эксклюзивные кадры, сделанные нашей съемочной группой.

На экране возник кадр с выступающим на сцене Ли Гёндю — макияж как у женщины, андрогинная внешность. Затем появились кадры с поспешно садящимся в машину начальником следственного управления — и наложенным поверх аудио — «Кастелы? Это еще что?» — и субтитрами. Редакторы на славу постарались над монтажом видео и выставили полицию в негативном свете.

Начальник следственного отдела полицейского участка Инван в одночасье стал всеобщим посмешищем. Шумиха не ограничилась одним только Инванским участком — на ушах стояла вся полиция. В полицейское управление Инвана один за другим поступали звонки из Управления по-